

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭМИГРАЦИИ И МЕТРОПОЛИИ :
СВЯЗИ И ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В 20-30-х ГОДАХ

Бронислав Кодзис

Хотя о литературе “первой волны” русской эмиграции уже написано множество разного рода исследовательских и научно-популярных работ, она по-прежнему является объектом пристального внимания ученых-русистов из разных стран, тем более, что многие ее явления еще недостаточно изучены и выяснены. К ним, в частности, принадлежит проблема взаимоотношений между литературой диаспоры и метрополиии, которая в существующих работах по сей день освещается поверхностно и упрощенно. В дальнейшем в них преобладает мнение об отсутствии связи между двумя потоками русской литературы этих лет, об их полной изолированности. На самом деле эта проблема представляется намного сложнее.

В первые годы после октябрьского переворота, несмотря на наметившийся раскол в среде русских писателей, политические позиции большинства из них, за исключением Леонида Андреева, Александра Амфитеатрова, Ивана Бунина, Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского и некоторых других, были еще нечеткими, колеблющимися. Неудивительно, что многие из них в течение нескольких лет после свершившегося переворота жили в России, принимая сотрудничество с большевиками, и уехали за границу лишь в 1921-23 гг. Причем, даже найдясь за рубежом, многие русские писатели на первых порах считали себя не эмигрантами, а беженцами, согнанными с насиженных мест военными действиями или опасавшимися преследований. Они воспринимали свое пребывание вне России как временное состояние, когда необходимо просто выжить, переждать, пока окончательно выяснится ситуация на родине и возникнут благоприятные условия для возвращения назад. Сохранить свои творческие силы для будущего, дождаться “лучших дней” – такова в общем главная цель многих русских литераторов за рубежом в 1918-23 гг. Естественно, что в это время в их среде имела широкое хождение идея единства русской литературы, несмотря на политическую и географическую раздро-

бленность писателей. Она по-разному отразилась в деятельности отдельных центров русского зарубежья, но наиболее яркий след оставила в литературной жизни берлинской диаспоры этих лет. Как известно, примечательной особенностью “русского” Берлина начала 20-х годов XX века было довольно интенсивное общение между литераторами зарубежья и метрополии, выразившееся в различных формах и мероприятиях.¹

Одной из них была необычайно широкая книгоиздательская деятельность, ориентированная на читателей русского зарубежья и советской России. В многочисленных берлинских издательствах этих лет печатались книги писателей диаспоры и метрополии, которые в большом количестве попадали на зарубежный и советский рынок. Характерную для “русского” Берлина установку на сближение и сотрудничество между зарубежьем и метрополией сигнализировало и наличие на книгах многих издательств совместного грифа “Москва - Берлин”, “Петроград - Берлин” и т. п.

Мысль о неразрывном единстве русской литературы, помимо политического разногласия в писательской среде, пропагандировали в Берлине и журналы “Русская книга” (1921), “Новая русская книга” (1922-23), “Веретеньш” (1922), “Вещь” (1922), “Эпопея” (1922-23), а также творческие объединения “Веретено” (1922-23) и Клуб писателей. Особенно интенсивную деятельность в этой области развивал берлинский Дом искусств (1921-23), который подчеркивал свою аполитичность и связь с отечественной литературой и традицией. Уже в начале своего существования берлинский Дом искусств поддерживал связи с петроградским Домом литераторов. Деятельность Дома искусств освещалась в петроградском журнале “Летопись Дома литераторов”.² В свою очередь, берлинский журнал “Бюллетень Дома искусств” давал обзоры петроградской “Летописи Дома литераторов”, хронику советской литературы и искусства, а также сообщал об изданных в России книгах, журналах и газетах.³

Собрания берлинского Дома искусств, которые были основной формой его деятельности, посещали писатели русского зарубежья и литера-

¹ Шире об этом: Kodzis B. Культурная жизнь “русского” Берлина первой половины 20-х годов // *Studia i szkice slawistyczne. Literatura - Kultura - Jazyk*, Opole 2000, с. 61-78.

² На его страницах была опубликована информация об основании и целях берлинского Дома искусств (1921, № 4, с. 10), а также письмо Дому литераторов в Петрограде (1922, № 3, с. 7).

³ Журнал печатался в издательстве “Геликон”. Вышло только три его номера, причем первый и второй были объединены в одну книгу.

торы, приезжавшие из советской России. Здесь читали свои произведения и принимали участие в прениях Андрей Белый, Сергей Есенин, Анатолий Каменский, Александр Кусиков, Владимир Маяковский, Николай Оцуп, Борис Пастернак, Борис Пильняк, Алексей Ремизов, Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Виктор Шкловский, Илья Эренбург и многие другие поэты, прозаики, деятели культуры и искусства.

Однако наметившиеся в начале 20-х годов связи и общение между писателями зарубежья и советской России были кратковременным эпизодом в истории русской литературы XX века. Они, как оказалось, были возможны лишь в первые годы после октябрьского переворота, когда большевики, занятые борьбой с вооруженной оппозицией внутри страны, не только особо не препятствовали контактам писателей, бежавших за границу и оставшихся в России, но даже им содействовали, надеясь таким образом задобрить творческую интеллигенцию и привлечь ее к сотрудничеству. Ситуация в этом отношении радикально изменилась после введения нэпа в 1921 году. Окрепшая к этому времени советская власть несколько отступила назад в области экономики, но одновременно она начала широкое наступление на идеологическом и культурном фронте. В 1922 году были приняты резолюции “О печати и пропаганде”, “Об антисоветских партиях и течениях”, объявившие непримиримую войну духовенству, оппозиционным партиям и беспартийной, нейтральной интеллигенции. В соответствии с этими партийными решениями в стране проводятся массовые аресты среди меньшевиков, эсеров и духовенства. Таким образом уже в 1922 году ликвидируются последние очаги оппозиции и насаждается однопартийность.⁴

Аресты и политические процессы 1922 года были лишь частью войны, начатой большевиками с интеллигенцией в России. За “вредные тенденции”, “оживление буржуазной идеологии”, “политическую беспринципность” подвергались в это время резкой критике и журналы (“Литературные записки”, “Былое”, “Голос минувшего”), а также литературное объединение “Серрапионовы братья”. А летом и осенью 1922 года большевики по предложению Ленина применили новую форму наказания и в принудительном порядке удалили за пределы России большую группу виднейших представителей философской мысли, науки и культуры. Их изгнание, запланированное как “идеологическая, пропагандистская акция”,⁵ имело своей целью запугать старую русскую интеллигенцию, ли-

⁴ Ср. Костиков В. Изгнание из рая. “Огонек” 1990, с. 15.

⁵ Там же.

шить ее права на независимое мнение и принудить таким образом к беспрекословному подчинению новой власти.

Репрессивная политика большевиков внутри страны непосредственно сказалась и на судьбе русской творческой интеллигенции на чужбине. Правители новой России особенно опасались свободной зарубежной печати, которая, как уже упоминалось, в первые годы после октябрьского переворота без особых препятствий попадала в метрополию и оказывала влияние на общественное мнение. Поэтому в первую очередь они приступили к ограничению доступа русских зарубежных изданий на советский рынок. С 1922 года в борьбу с проникающим в метрополию независимым русским словом активно включается Главное управление по делам литературы и искусства (Главлит), которое с момента своего создания проводило жесткую цензурную политику по отношению к печатной продукции русского зарубежья. Уже в декабре 1922 года из 87 предложенных Главлиту русских книг, изданных за рубежом, на советский рынок были допущены лишь 52. В следующем году число зарубежных изданий, разрешенных к ввозу в Россию, резко уменьшилось. В январе 1923 года из 62 книг, прошедших Главлит, на советский рынок пропускаются 34. В марте этого года из 130 книг на русском языке были допущены к ввозу 48, а в августе из 63 – только десять.⁶

Контролем над ввозом зарубежной печатной продукции в Россию ведал Иностранный отдел Главлита, материалы которого печатались в “совершенно тайном” бюллетене, предназначенном для узкого круга членов Политбюро и ЦК РКП (б), в числе которых были Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и некоторые другие лица (всего 12 человек). В этом бюллетене предписывалось уже в 1923 году не допускать к ввозу в СССР все произведения, носящие определенно враждебный характер по отношению к советской власти и коммунизму, проводящие чуждую и враждебную пролетариату идеологию, литературу, враждебную марксизму. Был запрещен и ввоз книг для детей, содержащих “элементы буржуазной морали с восхвалением старых бытовых условий”.⁷

Цензурная политика советской власти была одной из причин разорения целого ряда русских зарубежных издательств.⁸ Уже в 1922-23 гг.

⁶ Блюм А. В. За кулисами “Министерства Правды”. Тайная история советской цензуры 1917-1929. СПб. 1994, с. 199-200.

⁷ Блюм А. В. Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ. “Новый журнал” 1991. № 183, с. 266.

⁸ Эта проблема подробно освещается в статье Ефима Динерштейна. См. Dinerštejn E. “Feindbeobachtung”. Russische Verlage in Berlin im Blick der Sowjetmacht //

на их складах скопились огромные запасы книг и журналов, на которые не было спроса. Не имея возможности ввезти их на отечественный рынок, как рассчитывали, многие издатели, в первую очередь берлинские, а также некоторые пражские и рижские, потерпели финансовый крах и были вынуждены прекратить свою деятельность.

Стремясь закрыть ввоз зарубежных изданий на советский рынок и таким образом ограничить их влияние на читателя в метрополии, большевики одновременно принимали решительные меры к разложению творческой среды русской диаспры. С помощью специальных служб и идеологического давления они стремились нарушить литературную жизнь русского зарубежья, расколоть ее изнутри, посеять среди писателей, живших на чужбине, разногласие и вражду. С этой целью было умело использовано сменовеховское движение, а также периодические издания, сыгравшие в литературной среде русского зарубежья роль своего рода “троянского коня”.⁹ Одним из наиболее известных среди них была ежедневная газета “Накануне”, выходившая в Берлине с 26 марта 1922 года по 15 июня 1924-го. Зарегистрированная под видом сменовеховского издания, эта газета с самого начала щедро субсидировалась советским правительством и в сущности была его печатным органом. Согласно указаниям и ожиданиям своих покровителей, она вела широкую пропагандистскую деятельность, направленную в первую очередь против культурной и литературной среды “русского” Берлина. При этом отдельные сотрудники газеты не гнушались грубых провокационных выходов и скандалов. Их диверсионная деятельность вскоре принесла ожидаемые результаты. В атмосфере раздоров и склок распались творческие объединения “русского” Берлина (Дом искусств, Клуб писателей, “Веретено”), в связи с чем литературная жизнь здешней диаспры утратила свою прежнюю динамику и значение.¹⁰ Многие русские литераторы покинули Берлин и переехали в другие центры диаспры. Некоторые из них, в частности Глеб Алексеев, Николай Агнiewicz, Андрей Белый, Анатолий Каменский, Иван Соколов-Микитов, соблазненные просоветской пропагандой газеты “Накануне”, возвратились на родину. В советскую Россию уехали также, выполнив свою диверсионную работу, редак-

Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg, Hrsg. K. Schlögel, Berlin 1995, с. 420-431.

⁹ Об этом пишет Е. Динерштейн, там же, с. 431-438.

¹⁰ Сведения о дальнейшей деятельности русских литераторов в Берлине содержит работа Амори Бурхард. См. A. Burchard, Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920-1941. Institutionen des literarischen Lebens im Exil. München 2001.

торы и наиболее активные сотрудники газеты – Александр Бобрищев-Пушкин, Илья Василевский, Александр Дроздов, Борис Дюшен, Григорий Кирдецов, Юрий Ключников, Юрий Потехин и Алексей Толстой. В последнем номере, открыто выявляя характер своей зарубежной “миссии” и подытоживая ее результаты, редколлегия “Накануне” сообщала: “Все, что можно было вырвать из ее [т. е. эмиграции – Б. К.] обезьяньих лап, – вырвано и возвращено Родине. То, что осталось, – отброс, до которого России нет дела”.¹¹

В 1923-24 гг. наступает резкое размежевание литературной среды зарубежья и метрополии. Во второй половине 20-х годов связи между ними постепенно ослабевают, а в начале 30-х окончательно прерываются. Доступ произведений эмигрантских писателей на советский рынок полностью прекращается. Правда в 1926-28 гг. было выпущено в СССР несколько книг И. Бунина,¹² но такие случаи публикации авторов из зарубежья были лишь исключением или небольшим отклонением от правила. Причем среди этих изданий преобладали книги, которые, например, “Жизнь на фукса”, “Белые по черному” Романа Гуля, содержали критику эмиграции и были пригодны для пропагандистской работы.¹³ Разумеется, в этих условиях эмигрантские писатели оказались полностью отрезанными от метрополии и были лишены возможности влиять на советских авторов, которые практически не знали их произведений.

Бескомпромиссную борьбу с эмигрантской литературой вели также советские критики, которые, начиная с 1923 года, стремились к огульной ее дискредитации. Они клеймили писателей, которые предпочли Советскому Союзу жизнь в изгнании, называя их не иначе как “белогвардейцами”, “изгоями”, “гнилыми европейцами”, “живыми мертвецами”. Особое рвение в охаивании эмигрантских писателей проявили литераторы-возвращенцы И. Василевский и А. Толстой, которые “сменив вехи”, стремились таким образом выразить свое лояльное отношение к новой власти. В 1923 году Василевский издал в Петрограде книгу “Белые мемуары”, в которой писал:

¹¹ См. Всегда вперед, “Накануне” 1924. № 651, 15 июня.

¹² В ленинградском издательстве “Книжные новинки” увидела свет “Митина любовь” (1926), в харьковской типографии “Космос” появилась книга “Дело корнета Елагина” (1927), московская “Земля и фабрика” напечатала “Худую траву” (1928), а в Госиздательстве – двумя выпусками вышли избранные рассказы писателя под заглавием “Сны Чанга” (1927-28).

¹³ Книги Гуля вышли в Москве в 1927-28 гг.

Эмигрантские писатели – Ив. Бунин, Д. Мережковский, А. И. Куприн молчат. Они поражены тяжелой болезнью – бесплодием, и это не кажется случайным, а вполне естественным и закономерным. Любовь несет творчество, но ненависть и злоба бесплодны.¹⁴

Эту же мысль он развивал в своей следующей книге “Что они пишут?”, изданной в Ленинграде в 1925 году. В обличительном тоне о литераторах русского зарубежья писал и А. Толстой.¹⁵ Одновременно в своих художественных произведениях он рисовал упрощенно-карикатурные образы эмигрантов, представляя их в виде политических авантюристов, жуликов, уголовных преступников.

Нестерпимостью и недоброежелательностью по отношению к писателям-эмигрантам характеризовались даже высказывания лучших советских критиков 20-30-х годов. Резко осуждал их редактор журнала “Красная новь” Александр Воронский, который в юбилейной статье по случаю десятилетия Октябрьской революции писал о бедности эмигрантской литературы, об отсутствии в ней “дыхания эпохи”. Из зарубежных писателей он выделял лишь И. Бунина, отмечая его высокое мастерство, хотя при этом подчеркивал: “Но едва ли увлекает его холодный фатализм, неверие в человека, его мистицизм”.¹⁶ Общий вывод критика о состоянии и перспективах русской литературы за рубежом был скептический. “Вообще же, – утверждал Воронский, – литература эмиграции на явном ущербе: Куприн молчит, Шмелев пишет на нас злобные и неумные пасквили, Мережковский скучен, Чириков плох и совсем выдохся; из [молодых] интересен Алданов (Ландау). Урожай тут не богатый”.¹⁷

Мнение Воронского об эмигрантской литературе полностью разделял иной видный критик и теоретик группы “Перевал” – Дмитрий Горбов, который в своей книге “У нас и за рубежом”, изданной в 1928 году в Москве, писал:

Бунин, Зайцев, Мережковский, Гиппиус и др. явно дописывают последнюю главу уже законченного периода русской литературы. (...) эмигрантская литература, как цельное художественное явление, уже не существует.¹⁸

¹⁴ Василевский И. Белые мемуары. Петроград 1923, с. 66.

¹⁵ См., например, его статью “Парижские тени” (“Вечерняя Москва” 1935. 26 августа).

¹⁶ Воронский А. Десятилетие Октября и советская литература// Воронский А. Избранное. Москва 1983, с. 119.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Горбов Д. У нас и за рубежом. Москва 1928, с. 75-76.

В 1934 году на тему эмигрантской литературы высказался вернувшийся в Россию из Харбина прозаик Степан Скиталец. Несомненно по заказу им была написана статья “Эмигрантская литература”, предназначенная для 1-го съезда советских писателей. По каким-то причинам она не была прочитана, но главные тезисы автора нашлись в стенографическом отчете съезда. Скиталец в полном согласии с догматической советской критикой 30-х годов писал о творческом увядании И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, И. Шмелева, Е. Чирикова, Н. Тэффи и других крупнейших писателей русской эмиграции. Это суждение явно противоречило действительным фактам: как раз в 30-е годы упомянутые литераторы проявляли необыкновенную творческую активность и создали многие, часто наиболее значительные свои произведения. Да и вся эмигрантская словесность переживала в это время период бурного расцвета, была намного богаче и интереснее, чем тогдашняя литература метрополии. Несмотря на это советская критика неустанно убеждала общество в обреченности русской литературы на чужбине, в творческом бесплодии отдельных ее представителей, якобы не способных писать в отрыве от родной почвы. Эти явно ошибочные и тенденциозные суждения, искажающие истинный образ эмигрантской словесности, несколько позже прочно утвердились в советском литературоведении. Они нашли отражение во многих научных трудах, учебниках, энциклопедических изданиях и с большим трудом изживаются лишь в новейших исследованиях.

В отличие от советского общества 20-30-х годов, почти полностью лишенного возможности читать произведения эмигрантских писателей, русское зарубежье имело широкий доступ к художественной литературе, печатанной в это время в метрополии. Западные страны не ограничивали ее ввоза и распространения, а советская сторона охотно поставляла эту литературу за границу, стремясь с помощью художественного слова влиять на зарубежного читателя. Книжные и периодические издания метрополии распространялись на Западе советскими полномочными представительствами (полпредствами) и филиалами внешнеторговой организации “Международная книга”, основанной в СССР уже в 1923 году. Рекламированием печатной продукции СССР в зарубежной среде занимались специальные периодические издания, такие как берлинская газета “Накануне” (1922-24), “Парижский вестник” (1925-26) и некоторые другие, созданные советской стороной для агитационной работы среди эмигрантов.

В 20-30-е годы популяризации советской литературы в русском зарубежье уделяли много внимания и эмигрантские издательства (особенно берлинские и рижские), а также многочисленные газеты и журналы. В них охотно перепечатывались произведения советских писателей-сати-

риков – Михаила Зощенко, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Валентина Катаева, Пантелеймона Романова. Широкую известность получили также Исаак Бабель, Михаил Булгаков, Сергей Есенин, Леонид Леонов и ряд других. Иногда печатались и произведения, которые из-за цензуры не могли появиться в советских изданиях. Так, например, был опубликован цикл стихотворений Максимилиана Волошина “Усобица”, отразивший большевистский террор в Крыму.¹⁹ Вышли также, отклоненные советскими издательствами по идейным соображениям, произведения Евгения Замятина (“Мы”, 1927) и Бориса Пильняка (“Красное дерево”, 1929). Однако случаи публикации запрещенных советской цензурой книг в эмигрантских изданиях были редки. После кампании против Замятина и Пильняка, резко осужденных догматической критикой “за измену”, “сотрудничество с белогвардейскими кругами”, за преступление “против интересов рабочего класса”, они уже не повторились.

Печать русского зарубежья предлагала своим читателям не только художественные тексты советских писателей, но и широко информировала их о литературном процессе в СССР, отмечая наиболее примечательные явления и события. Обзоры советской литературной жизни, а также статьи об отдельных писателях, заметки и отклики на книжные новинки печатались на страницах многих эмигрантских периодических изданий, таких как парижские “Последние новости” (1920-40), “Возрождение” (1925-40), “Дни” (1928-33), “Россия и славянство” (1928-33), пражский журнал “Воля России” (1920-32), берлинская газета “Руль” (1920-31), рижская “Сегодня” (1919-40) и ряда других. В общем в них наметились две разные точки зрения на советскую литературу 20-30-х годов, обоснованные политическими убеждениями отдельных зарубежных русских критиков и писателей. Часть из них, например, Юлий Айхенвальд, М. Алданов, И. Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Ходасевич, враждебно относящихся к большевистскому режиму, не верила, что в советской России, лишенной свободы творчества, возможна настоящая литература. Они отрицали советский авангардизм, который не без основания считали пособником большевиков, и литературе новой России противопоставляли творческие достижения писателей-эмигрантов, хранителей и продолжателей традиций Серебряного века. Эта позиция нашла яркое выражение в статье Владимира Кадашева (Амфитеатрова) “Несовременные мысли”, опубликованной в пражском иллюстрированном литературно-публицистическом журнале “Годы” в 1926 году. Советская литература, – писал критик, – до сих пор не создала ничего равного “Митиной

¹⁹ См. Волошин М. Усобица // “Новая русская книга” 1923. № 2.

любви” И. Бунина, трилогии М. Алданова, мемуарам Сергея Волконского (“Мои воспоминания”), “Тяжелой лире” В. Ходасевича, “Золотому узору” Б. Зайцева, “Солнцу мертвых” И. Шмелева, “Эгерии” Павла Муратова. “Творчество Ремизова, – утверждал Кадашев, – значительнее творчества Бабеля, а “Рождение богов” – художественно и философски крупнее комплекта “Красной нови” за все время ее существования”.²⁰

В свою очередь критики левого крыла русской эмиграции, близкого к сменовеховству и евразийству, к которым, в частности, следует причислить сотрудников пражского журнала “Воля России” (1920-32) и парижских “Верст”, считали, что “в Москве, а не в Париже пролегает главное русло русской литературы”.²¹ В этом ключе выдержаны три номера журнала “Версты”, вышедших под редакцией Дмитрия Святополка-Мирского в 1926-28 гг. Такая установка ярко проявляется и в многочисленных статьях Марка Слонима, ведущего критика “Воли России”, который явно отдавал предпочтение литераторам метрополии и чрезвычайно пристрастно оценивал творчество эмигрантских писателей, особенно авторов старшего поколения. Однако, несмотря на резкость и полярность ряда суждений, советская литература 20-30-х годов в критике русского зарубежья освещалась обстоятельнее и глубже, чем в метрополии, причем круг интересующих ее тем был намного богаче, разнообразнее и шире.

Эмигрантские критики с большим вниманием и беспокойством наблюдали за новыми явлениями в литературе метрополии. Они отрицали любые попытки “диктатуры” над художественным творчеством в советской России. Уже в 1922 году М. Слоним оспаривал насаждавшуюся в русской послереволюционной литературе доктрину партийности. Он писал:

Большевики явили первый опыт введения социализма посредством подавления свободы, объявив буржуазным предрассудком то, что было добыто человечеством в результате долгой борьбы: свободу личности, мысли, собраний, слова, печати [...]. Человек – выше класса, и человеческая правда важнее классовой утопии.²²

Это мнение разделяла и редакция выходившего под редакцией Александра Керенского еженедельника “Дни”, которая в статье, напечатанной 23 сентября 1928 года, заявляла: “истинный художник – вне класса, вне сословия, вне партийных влияний, он – свободный гражданин великой

²⁰ Кадашев В. Несовременные мысли // “Годы” 1926. № 4, с. 34.

²¹ См. редакционное предисловие // “Версты” 1928. № 3, с. 5.

²² “Воля России” 1922. № 11, с. 9.

международной республики – литературы”.²³ Одновременно критики журнала “Дни” ставили под сомнение выдвинутый в советской России утопический тезис, согласно которому исторический взрыв должен автоматически повлечь за собой революцию в искусстве. Они утверждали, что понятия “революционная культура” и “пролетарская культура” противоречивы и бессмысленны, ибо “моменту переворота придается значение длительности, отрицательному придается положительный смысл, разрушению – смысл строительства”.²⁴ По их мнению периоды расцвета искусства “совпадают не с краткими яркими моментами событий и общественных переворотов, а, наоборот, с длительными эпохами успокоения и строительства”.²⁵

В эмигрантской критике были решительно отвергнуты теории и практика журнала “Леф”. Его теоретики, – писал Юлий Айхенвальд, – гусердно, но не успешно вырабатывают формулу пролетарского искусства, т. е. доказывают недоказуемое [...], как нет для пролетариев особой таблицы умножения, так не было, нет и не будет для них особого искусства”.²⁶ Вторил ему М. Слоним, который в обзоре журнала “Новый Леф” констатировал: “Ни слуха, ни воображения, ни ума Леф не радует. У лефовцев - творческая пустота и бессилие”.²⁷

В отличие от советских критиков 20-30-х годов, зарубежные русские писатели и литературоведы точнее и убедительнее высказывались о творчестве отдельных авторов метрополии, метко определяя черту, отделявшую в их произведениях правду от фальши, истинного художника от графомана и конформиста. Особенно привлекала их личность Николая Гумилева. Для многих, особенно для молодых поэтов русского зарубежья, был он идеалом человека и художника. Неудивительно, что в 20-30-х гг. в ряде центров русской диаспоры, в частности в Берлине, Париже, Ревеле, Харбине и Юрьеве, существовали молодежные “цеха поэтов”, опиравшиеся на опыт его школы художественного ремесла. Гумилев в восприятии эмигрантских критиков – “подлинный классик”, “необыкновенно цельная личность, обладавшая ясным мировоззрением. В его творчестве они замечали присутствие мистики и дионисийской стихии, которые

²³ Пролетарская литература // “Дни” 1928. № 3, 23 сентября.

²⁴ Жизнь и искусство // “Дни” 1928. № 10, 11 ноября. См. также Старушка Европа // “Дни” 1928. № 4, 30 сентября.

²⁵ Жизнь и искусство // “Дни” 1928. № 10, 11 ноября.

²⁶ Ю. Айхенвальд. Литературные заметки // “Руль” 1923, 23 сентября.

²⁷ “Воля России” 1928. № 3, с. 121.

однако, по мнению критиков, не нарушали “божественной меры”, порядка, удерживающих поэта от “захлеста” люциферической музыкой.²⁸

Критик Николай Цуриков к главным отличительным чертам гумилевского мировоззрения и художественного видения всего окружающего причислял “приятие мира и пафос героизма”, “служение добру”, “покорность Творцу и Его творению и одновременно непокорность злу”.²⁹

В эмигрантской критике рассматриваемого периода много внимания уделялось Александру Блоку. Его кончина, как и смерть Гумилева, были восприняты как конец эпохи, названной Серебряным веком. Высказываясь о поэме Блока “Двенадцать”, Петр Струве утверждал, что это “величайшее достижение” поэта. Критик подчеркивал грандиозность “изображения мерзости и порока”, а также духовное, пророческое видение того, что “в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой”.³⁰ Блок рассматривался эмигрантскими критиками как антипод Гумилева, как его противоположность. Он, по мнению Глеба Струве, – “поздний цветок русского романтизма” и примыкает не к пушкинской линии в развитии литературы, а через Владимира Соловьева и Афанасия Фета восходит к Михаилу Лермонтову.³¹

Блоковские “Двенадцать” и “Скифы” рассматривались Цуриковым как “глубоко унижительные для русского национального чувства произведения”, как “ужасная и объективно трагическая пародия на Пушкина и на Россию”.³² Одновременно он воспринимал эти произведения как “гениальное историческое свидетельство” о глубине падения России, так как революция, задержавшая дело Петра и закрывшая “окно в Европу”, не “братский пир труда и мира”, а “томительный бред”.³³ В свою очередь известный эмигрантский филолог Петр Бицилли пытался выяснить основу поэтической манеры Блока. Его величие как поэта-мастера он усматривал не в языке, который по словам критика “небрежен и неряшлив”, не в мысли, а в обращении к ее предтече – музыке, “праязыку”.³⁴

²⁸ См. Голенищев-Кутузов И. Мистическое начало в поэзии Гумилева // “Россия и славянство” 1931, 29 августа.

²⁹ Цуриков Н. Гумилев и его заветы // “Россия и славянство” 1931, 29 августа.

³⁰ Струве П. In memoiam // “Руль” 1921, 25 сентября.

³¹ Струве Г. Магия Блока // “Россия и славянство” 1931, 8 августа.

³² Цуриков. Н. Блок, Гумилев, Пушкин о путях России // “Россия и славянство” 1932, 16 апреля.

³³ Там же.

³⁴ Бицилли П. Литературные эксперименты // “Россия и славянство” 1932, 3 сент.

Очень много писалось в эмигрантской критике о Максиме Горьком, причем в большинстве случаев отрицательно. 21 июля 1921 года в парижской газете “Общее дело” была опубликована статья И. Бунина “Об Эйфелевой башне”, написанная в связи с транслировавшимся по радио выступлением Горького, призывавшего Запад помочь голодающей России. Бунин возмутило то, что причиной бедствия Горький считал засуху, а не “кровапролитие” и грабеж, учиненные в стране большевиками. Опровергая “лживую, высокопарную иеремиаду” писателя, Бунин назвал его певцом “самого грубейшего из всех человеческих учений и самого подлого строя из всех существовавших на земле”.³⁵ В таком же духе о Горьком на страницах газеты высказывался Александр Куприн. В очерке “Максим Горький” он сравнивал писателя с Ильей Грачевым, героем его повести “Трое”, человеком эгоистичным и безнравственным, который убивает “больше ради жеста, ради того, чтобы придя на кладбище, плюнуть на могилу своей жертвы-ростовщика”.³⁶

Резкую реакцию в эмигрантской критике вызвала брошюра Горького “О русском крестьянстве” (Берлин 1922). Прозаик Илья Савченко воспринял ее как оправдание послереволюционного террора в России,³⁷ а историк литературы и общественный деятель К. И. Арабажин в своей статье, написанной с вульгарно-социологических позиций, упрекал писателя в люмпенском “чувстве отвращения к крестьянству” и едко высмеивал его публицистику, а также лениниану, ставшую, по его мнению, “беспримерным образцом холопства и лести – грубой, лубочной”.³⁸

Очень резко высказывался о Горьком писатель Евгений Чириков, назвавший его “литературным и политическим Смердяковым”. Горький, по мнению Чирикова, – “подлинный лакей, запутавшийся в своих умствованиях благородных и вынужденный лизать пятки господина своего”, предавший прежние идеалы и прежних соратников.³⁹

С нескрываемой неприязнью высказывался о Горьком Ю. Айхенвальд, подчеркивая его участие “в роковом русском опыте”. История, утверждал критик, – устроила серьезное испытание “смыслу всей его лите-

³⁵ Бунин И. Об Эйфелевой башне // “Общее дело” 1921, 21 июля.

³⁶ Куприн А. Максим Горький // “Общее дело” 1921, 10 февраля.

³⁷ Ее характеристика дана в рецензии книги С. М. Мельгунова, Красный террор в России. См. “Студенческие годы” 1924, № 4 (15), с. 41.

³⁸ Арабажин К. И. Максим Горький. “Русская жизнь” 1924, 22 мая.

³⁹ Чириков Е. Товарищ Смердяков. “Борьба за Россию” 1930. № 196/197, 15 октября.

ратурной и политической деятельности [...] сняла те словесные румяна идеализации, которые он густо клал на испытые лица иных из своих демократических героев”.⁴⁰ Год спустя, откликаясь на рассказ Горького “Отшельник”, напечатанный во втором номере журнала “Беседа”, Айхенвальд отмечал “претенциозную выдумку и нарочитость [...] склонность не к творчеству, а к сочинительству”, считая их наиболее характерными, устойчивыми свойствами его поэтики.⁴¹

Однако в эмиграции нашлись у Горького и защитники, которые полемизировали с оценками, дискредитировавшими его как человека и художника. Одним из них был М. Слоним, который в 1930 году писал:

Пора прекратить постоянное пошлое зубоскальство над Горьким и понять, что Горький-художник принадлежит не коммунистической партии, а всей мыслящей и культурной России. И эта Россия от Горького не отказывается и безразличным для себя его считать не может.⁴²

Оправдывая возвращение Горького на родину, вызвавшее в эмигрантской критике лавину упреков, Федор Шаляпин утверждал:

Что бы мне ни говорили об Алексее Максимовиче, я глубоко, твердо, без малейшей интонации сомнения знаю, что все его мысли, чувства, дела, заслуги, ошибки, – все это имело один-единственный корень – Волгу, великую русскую реку и ее стоны [...]. Если Горький шел вперед порывисто и уверенно, то это шел он к лучшему будущему для народа [...]. В Горьком говорило глубокое сознание, что мы все принадлежим своей стране, своему народу и что мы должны быть с ним не только морально [...], но и физически, всеми шрамами, всеми затвердениями и всеми горбами.⁴³

Защищал Горького и Юрий Анненков, известный эмигрантский режиссер, художник-декоратор и литературный критик, который в своем эссе представил писателя как натуру сложную, полную сомнений, страха и растерянности перед тем, что происходило в России. Горький “был и остается большим писателем и великодушным человеком [...]. Ни в коем случае Горький не мог быть провозвестником [официальной] формы искусства, выдвинутой государством коммунистическим или пролетарским

⁴⁰ Айхенвальд Ю. Литературные заметки. “Руль” 1922, 10 декабря.

⁴¹ Айхенвальд Ю. Литературные заметки. “Руль” 1923, 27 мая.

⁴² Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья. Т. 1. Кн. 2. Москва 1990, с. 385.

⁴³ Цит. по: Кускова Е. Трагедия Максима Горького. “Новый журнал” 1954. № 38, с. 244.

[...] Идеиную подчиненность он считал оскорблением для человека”.⁴⁴

Много и очень часто отрицательно писалось в эмигрантской критике о Владимире Маяковском. Были также в русском зарубежье исследователи и писатели, защищавшие его. Особенно интересные замечания о поэте содержит статья М. Слонима “Два Маяковских”, в которой критик, споря с его ниспровергателями и канонизаторами, утверждал: “Маяковский был настоящим поэтом, обладавшим редкой изобразительностью и эмоциональной насыщенностью стиха, введшим в поэтическую речь звучный, захлестывающий ритм, тот болевой мождор, который всегда придает его вещам крепость и остроту [...]. Маяковский был кремлевским поэтом не по назначению, а по признанию и по призванию”.⁴⁵ Из этого заключать о продажности и неискренности Маяковского, значит, по мнению Слонима, “повторять глупые и пошлые обвинения”.⁴⁶ Вместе с тем критик признавал, что, став глашатаем революции, Маяковский убил в себе поэта. “Чувства, инстинкты, мечты, которым было запрещено выходить на свет божий, отомстили ему за совершенное над ними насилие”.⁴⁷

Эмигрантские критики внесли существенный вклад в изучение литературы метрополии 20-30-х годов. К сожалению, их богатые, разнообразные наблюдения и заметки были недоступны общественности русской метрополии и не оказали влияния на процесс развития советской литературы этих лет. Из-за политических соображений диалог о двух потоках русской литературы между критиками эмиграции и метрополии не состоялся. Вместо него были произнесены два независимых монолога, разных по своему характеру, тону и содержанию.

⁴⁴ Анненков Ю. Дневник моих встреч (цикл трагедий). Т. 1. Париж 1966, с. 49-55.

⁴⁵ Слоним М. Два Маяковских. “Воля России” 1930, № 5/6, с. 449.

⁴⁶ Там же, с. 453.

⁴⁷ Там же.

